

Т. Г. Трофимович (Минск)

СТАРОРУССКИЙ ДЕЛОВОЙ ЯЗЫК: К ТИПОЛОГИИ ПРЕДМЕТНОЙ НОМИНАЦИИ

*Мы уходим в Слово, и не важно, кто является
посредником — пергамент, книга или Интернет.*

А. Вознесенский. Предисловие
к книге «Проза поэта».

Историческое языкознание в рамках новой научной парадигмы антропоцентрического толка продолжает сохранять свою исключительную объяснительную силу. Передовые рубежи гуманитарного знания вообще и лингвистики в частности невозможно представить себе без систематического анализа путей предшествующего развития, без адекватного представления о закономерностях функционирования языка в прошлом, без выяснения логики лингвогенеза. Накопленные знания создают крайне благоприятные условия для формирования новых подходов, созвучных современным задачам изучения важнейшего средства человеческого общения.

Основой старорусского делового языка, который обслуживал сферу юридических отношений Московской Руси, стала, как известно, живая народная речь. Этот язык носил общегосударственный характер, был в значительной степени обработан и нормализован. Его нормы, по мнению ученых, хоть и оставались скрытыми, а не кодифицированными, одержали победу над местными, областными тенденциями в письменности. «Язык московских приказов... прочно утвердился в культурном обиходе и готовил почву для торжества русского национального языка в литературной сфере» [1, с. 281].

В историческом языкознании отмечен многолетний устойчивый интерес к изучению языка старорусской деловой письменности, однако, ответ на вопрос о том, какова его роль « в лингвистической истории России, все же остается открытым. Один из путей решения этой проблемы, как показывает опыт,— переосмысление существующих взглядов и тенденций исследования деловой письменности» [2, с. 126]. Нам представляется, что «лингвистическую историю России» следует понимать широко, как историю русского языка вообще. Это значит, что новые направления языковедческого анализа, пришедшие на смену формальной лингвистике, могут быть с успехом применены в ретроспективе, а добытые таким образом знания, безусловно, окажутся заряженными объяснительно-прогнозирующей энергией.

Актуальное в современной лингвистике изучение проблем языковой номинации в историческом смысле по многим причинам может быть связано с деловым старорусским языком. Это и его народная основа, и широкое распространение, и «скрытое» нормирование, и высокая номинативная активность, требования к процессу делового именованья и многое другое. Очевидно, что прошло время только фиксации того, как что-либо называлось в тот или иной период развития русского языка. Настало время пристального внимания к тому, как «с помощью

слова из всех возможных качеств предмета ... выделены его специальные, существенные свойства», как «этот предмет ... подвергнут анализу и отнесен к определенной категории» [3, с. 401]. Изучение предметной номинации в языке старорусской деловой письменности представляется нам перспективным.

Среди возможных аспектов историко-ономасиологических исследований наиболее значимой, на наш взгляд, является типологическая характеристика предметных наименований, в основе которой лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной модели или типа.

Возникает проблема выработки принципов такого расчленения и группировки, учитывающих онтологические признаки номинативных единиц.

Положение о том, что «понятие как мысль о предмете, выделяющая в нем существенные признаки, выражается именем, а всякое представление в языке может быть опредмечено», является общепринятым [4, с. 11]. При этом не вызывает сомнений и тот факт, что предметное наименование может быть как однословным (универбальным), так и неоднословным (поливербальным).

Противопоставление однословных и неоднословных номинаций естественным образом становится основополагающим в попытке определения их типов. Такой подход подразумевает и специфика номинативного строя языка старорусской деловой письменности, в котором двусловные наименования были широко распространены [5, с. 46]. Тогда в системе старорусской предметной номинации выделяется с одной стороны корпус универбов (универбативов) типа *крестьянин, холоп, староста, мастер, книга, грамота, лист, земля, пошлина, деньги, люди* и т. п. и корпус бивербов (бивербативов) типа *крестьянин монастырский, холоп беглый, староста ратайный, мастер портной, книга описная, грамота доправная, лист опасный, земля захожая, пошлина грузовая, деньги копейные, люди кормовые* и т. п.

Группировка названий далее может быть осуществлена с учетом первичности (изначальности) или вторичности номинации, а также фактов заимствования. Как известно, первичные наименования—крайне редкое явление, а вторичные в зависимости от характера указания на действительность делятся на автономные и неавтономные или косвенные. Отличительным признаком неавтономной номинации является использование комбинаторной техники языка в процессе формирования новой языковой единицы [6, с. 336]. Следовательно, среди предметных наименований окажется возможным выделить небольшую группу первичных (*мать, сын, дочь, отец* и др.), подавляющее же большинство будут составлять вторичные автономные и неавтономные (однословные/неоднословные) единицы. Относительно немногочисленными являются единицы, возникшие в результате заимствования.

Дальнейшие попытки выявления типов наименований, безусловно, должны базироваться на том, что в основе вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления. Предмет получает свое наименование в зависимости от свойственного ему признака, который оказывается наиболее значимым в процессе именования. Ассоциативные признаки, становящиеся актуальными при вторичной номинации, могут быть связаны с компонентами

переосмысливаемого значения или соотносится с фоновыми знаниями носителей языка о данной реалии и/или о внутренней форме значения. Установление характера ассоциативных связей—важнейшая проблема в создании типологической характеристики предметных наименований.

Наши наблюдения показывают, что выделить дистинктивные признаки для процесса вторичного именования возможно, равно как и установить их «продуктивность». Наиболее актуальными и для автономных, и для неавтономных единиц оказываются признаки агентивные, локумные, поссессивные и некоторые другие. Оставаясь генеральными при возникновении наименования, они чаще всего конкретизируются. Так, например, агентивный признак конкретизируется по активности/пассивности или субъектности/объектности действия, поссессивный — по индивидуальной или групповой принадлежности и т. д. [7]. Ряд признаков, положенных в основу наименования, окажется уникальным.

Несомненно, значимым при определении типов производных (вторичных) наименований является установление используемых деривационных средств. Эта проблема в ряде случаев оказывается тесно связанной с проблемой мотивации производного наименования и существования мотивационного пространства. Решение этих проблем оказывается возможным при анализе языка старорусской деловой письменности, поскольку тексты памятников нередко фиксируют то, что принято называть показаниями языкового сознания. Обязательная двучленность ономаσιологической структуры производного слова, которая складывается из ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака (М. Докулил, Е. С. Кубрякова, Э. Секанинова, З. Клеменевич) при этом будет учтена.

Не претендуя на законченное осмысление принципов типологической характеристики предметной номинации старорусского делового языка, рискнем высказать предположение, что предложенный «ономаσιологический эскиз» определен онтологией исследуемого предмета и логикой его научного познания и может превратиться в законченную «картину».

Литература

1. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. — М., 1981.
2. Никитин О. В. Проблемы изучения русской деловой письменности в научных воззрениях В. В. Виноградова // Вопросы языкознания, 1999, № 2.
3. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. — М., 2000.
4. Петрухина Е. В. Актуальные категории глагола в русском языке. — М., 2000.
5. Трофимович Т. Г. Неоднословные названия лиц в системе номинативных средств старорусского делового языка // Вестн БДПУ, 1999, № 3.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.